

ПРИНЦИПЫ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ: JUS AD BELLUM

MILITARY LAW, MILITARY PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW
PRINCIPLES OF JUST WAR: JUS AD BELLUM

Шавеко Николай Александрович,

кандидат юридических наук,
научный сотрудник Удмуртского
филиала Института философии
и права УрО РАН, г. Ижевск
E-mail: nickolai_91@inbox.ru

Shaveco Nikolai Alexandrovich,

candidate of law,
research associate of the Udmurt branch of
the Institute of philosophy and law of the Ural
branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk
E-mail: nickolai_91@inbox.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу шести общепризнанных принципов *jus ad bellum*, а именно принципов правого дела, крайнего средства, соразмерности, вероятности успеха, добрых намерений и легитимности. Автор рассматривает мнения различных ученых, высказанные относительно названных принципов, а также отражение данных принципов в известном докладе «Обязанность защищать» (Responsibility to protect) Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета. Помимо этого, в контексте проблемы легитимности автором анализируются некоторые современные проблемы войны государства против неополитических сообществ, находящихся на территории других государств. Автор приходит к выводу, что из шести принципов достаточно обоснованными являются только три: принцип правого дела, принцип крайнего средства и принцип соразмерности.

Ключевые слова: теория справедливой войны; *jus ad bellum*; принцип правого дела, принцип крайнего средства, принцип соразмерности; принцип вероятности успеха; принцип добрых намерений, принцип легитимности.

Abstract: The article is devoted to the analysis of six generally recognized principles of *jus ad bellum*, namely the principles of just cause, last resort, proportionality, probability of success, good intentions and legitimacy. The author examines the opinions of various scientists expressed regarding these principles, as well as the reflection of these principles in the well-known report «Responsibility to protect» of the International Commission on intervention and state sovereignty. In addition, in the context of the problem of legitimacy, the author analyzes some modern problems of the state's war against non-political communities located on the territory of other States. The author concludes that only three of the six principles are sufficiently justified: the principle of just cause, the principle of last resort, and the principle of proportionality.

Keywords: the theory of just war; *jus ad bellum*; the principle of just cause; the principle of last resort; the principle of proportionality; the principle of probability of success; the principle of good intentions; the principle of legitimacy.

Теория справедливой войны традиционно делится на две части: *jus ad bellum* (условия для справедливого начала войны) и *jus in bello* (справедливые способы ведения войны). В первом случае ставится вопрос о том, когда допустимы военные действия, во втором – какими средствами они должны вестись. Помимо этого сегодня многие ученые поднимают ряд проблем, которые можно отнести к *jus post bellum* (право после войны).

Сегодня в научной литературе (Н. Фоушин, Б. Оренд, Х. Сисе, Б.Н. Кашников, А.В. Прокофьев и др.) сложился довольно устойчивый консенсус относительно того, что всего существует шесть принципов *jus ad bellum*: а) принцип правого дела; б) принцип крайнего средства; в) принцип соразмерности; г) принцип вероятности успеха; д) принцип добрых намерений; е) принцип легитимности власти. Таким образом, ни самооборона, ни гуманитарная интервенция не могут быть оправданы только тем, что налицо справедливый *casus belli*. Необходимо соблюдение всех шести принципов одновременно.

В настоящей статье мы не будем касаться основного и наиболее популярного принципа *jus ad bellum* – принципа правого дела, а рассмотрим оставшиеся пять принципов. Мы попытаемся доказать, что только два из них – принцип соразмерности и принцип крайнего средства – являются достаточно обоснованными, хотя формулируются не всегда одинаково и не всегда достаточно четко.

Например, по утверждению Н. Фоушина, «принцип крайнего средства говорит нам, что выбор в пользу войны не должен быть сделан до тех пор, пока не будут использованы менее дорогие средства – такие, как переговоры, санкции и т. п.»; вместе с тем, принцип вероятности успеха в изложении того же автора гласит, что «серьезное дело вступления в войну следует предпринять, если не существует никакого другого разумного шанса на достижение некоторой значимой государственной цели» [15, с. 174-175].

По нашему мнению, указанные формулировки по существу тождественны, поэтому во избежание дублирования, принципу вероятности успеха следует придать иное содержание.

Обращаясь непосредственно к принципу крайнего средства, который может трактоваться как *ultima ratio* (последний довод), отметим, что в настоящее время требуемая им соразмерность практически исчерпывающе закреплена в Уставе ООН в виде принципа мирного разрешения споров (ст. 2 Устава). Установлены и такие условия возникновения права на самооборону, как вооруженное нападение (ст. 51 Устава), и «недостаточность» иных мер (ст.ст. 41-42 Устава) как условия вооруженных действий по мандату Совбеза ООН. Вместе с тем, часто поднимаемые учеными и политиками проблемы допустимости упреждающих и превентивных ударов в контексте крайней необходимости позволяют сделать вывод о необходимости усовершенствования международных правовых норм в области самообороны.

М. Уолцер обратил внимание на то, что при буквальном толковании принципа крайнего средства невозможно установить, в какой момент война становится крайним средством: «Всегда есть что-то еще, что мы можем сделать» (угрозы, дипломатия, санкции и т. п.) [9, с. 88].

На наш взгляд, эта проблема является надуманной, поскольку искажает смысл принципа. «Крайнее средство» в действительности отсылает к некоторым разумным ожиданиям. Война становится оправданной, если использование мирных средств на данной стадии выглядит бесполезным («потенциально неэффективным» – по М. Уолцеру) или влекущим еще более негативные последствия. Б. Оренд по-своему переформулировал рассматриваемый принцип, назвав его принципом «запрета на успешное применение силы» [7, с. 192-193].

Верными представляются разъяснения Х. Сисе о том, что выражение «крайняя мера» может восприниматься как в хронологическом, так и в систематическом значении. Хронологический подход подразумевает, что до применения силы нужно испробовать все другие возможные средства. Этот подход в 20 веке выразился в «политике умиротворения» гитлеровской Германии в 30-х годах и в невнятных попытках прекращения Боснийской войны в 90-х годах. В обоих случаях последствия его применения были катастрофичны. Х. Сисе считает более правильным систе-

матический подход, который предполагает, что все способы должны быть рассмотрены, прежде чем прибегнуть к оружию [13, с. 95].

Авторы подготовленного в 2001 г. по поручению Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета доклада «Обязанность защищать» (Responsibility to protect) также исходят из систематического подхода и утверждают, что для вооруженного вмешательства требуются лишь «разумные основания», по которым невооруженные методы (которым изначально отдается приоритет) могут быть отвергнуты [8, с. 12].

Вместе с тем технологии быстро развиваются, современные кибервойны уже влекут гораздо более губительные последствия, чем классические вооруженные конфликты. Дозволенность тех или иных средств должна зависеть от последствий их применения, а не от их (вооруженного или невооруженного) характера. Не все «мирные средства» предпочтительнее оружия. На наш взгляд, поспешно суждение М. Уолцера о том, что общая теория *jus ad vim* (права на силу) должна быть более предпочтительной, чем частная теория *jus ad bellum* [14, с. 26-32].

Х. Сисе обращает особое внимание на проблему экономических санкций: во-первых, они воздействуют, в первую очередь, на гражданское население, во-вторых, они могут быть не менее опасны, чем оружие. В этой связи их далеко не всегда можно рассматривать как предпочтительную войне альтернативу [13, с. 96-98]. Чтобы разобраться, какие именно меры могут быть более предпочтительны, чем война, авторы доклада «Обязанность защищать» рассматривают военные, политические и дипломатические санкции. В отношении экономических санкций они пишут, что данные санкции не должны быть общими, то есть их следует направлять не на массу обычных граждан, а на лиц, принимающих политические решения, включая ограничения на приносящую доход деятельность, которая поддерживает или во многих случаях провоцирует конфликты [8, р. 29-30]. В этом случае отпадает проблема разрушительности и смертоносности экономических санкций.

Относительно принципа вероятности успеха Фоушин в другом месте поясняет,

что термин «вероятность» подразумевает учет реальной силы противника, усложняющей военные действия. В свою очередь, под «успехом» он понимает достижение цели «правого дела» [12, с. 36].

Насколько велика должна быть вероятность успеха и как ее определить? Фоушин говорит о «разумной» вероятности, то есть не требует, чтобы вероятность успеха была совершенно очевидной и не вызывающей разумных сомнений. Такой подход позволяет ему утверждать, что в начале Первой мировой войны все ее основные участники (Франция, Великобритания, Россия, Австро-Венгрия и Германия) имели разумные шансы на успех [12, с. 138]. Такой подход освобождает от необходимости точных расчетов различных вероятностей.

Насколько нам в оценке проблемы вообще нужен рассматриваемый принцип? Х. Сисе приводит в пример Черчилля, который в союзе с другими лидерами стран-участниц Антигитлеровской коалиции внес свой внушительный вклад в победу над нацистской Германией, вероятно, именно потому, что с самого начала не принял во внимание критерий вероятности успеха [13, с. 100-101]. Государство, которое начинает войну без учета разумных шансов на успех, как правило, нарушает принцип соразмерности, в связи с чем закономерно несет большие людские и материальные потери.

Зачем тогда вообще необходим принцип вероятности успеха? В истории не раз возникали ситуации, когда основная цель «правого дела» (самооборона, усмирение агрессора, предотвращение массовых и серьезных нарушений прав человека и т. п.) вряд ли могла быть достигнута. Однако имелись разумные шансы ожидать других позитивных результатов (уменьшение военного потенциала агрессора для будущих войн с другими государствами, снижение уровня нарушений прав человека), которые оправдывали предполагаемые потери. В этих случаях, на наш взгляд, критерий вероятности успеха излишен.

Любопытно, что авторы доклада «Обязанность защищать» не упоминают этот принцип. Они называют лишь принцип «разумных ожиданий», но разъяснение этого принципа показывает, что фактически имеется в виду принцип соразмерно-

сти *jus ad bellum*: «Должна быть разумная вероятность успеха в прекращении или предотвращении страданий, которые оправдывают вмешательство, с последствиями действий, которые вряд ли будут хуже, чем последствия бездействия» [8, с. 12]. Приведенная формулировка позволяет утверждать, что разумная вероятность успеха является неизбежным элементом принципа соразмерности.

Принцип соразмерности Фоушин формулирует так: «...если издержки, которые повлечет за собой ведение войны, перевешивают предполагаемые выгоды, она является несправедливой» [15, с. 174-175]. При этом он сам признает этот принцип весьма неопределенным в отсутствии точного значения понятия «перевешивают». В результате он же утверждает, что государство не должно вступать в войну в случае, «если ожидаемые издержки такого поведения будут гораздо больше, чем выгоды», или они «явно» и «очевидно» будут больше [12, с. 37, 132]. Автор также считает важным необходимость оценки издержек и выгод для всех воюющих сторон, а не только для одной из них.

При подсчете вероятных выгод и потерь возникает проблема непредвиденных издержек. Допустим, война необходима, чтобы предотвратить 1000 человеческих жертв, но для этого потребуются потери 800 человек. В ходе войны выясняется, что для достижения победы погибнуть может фактически не 800, а 500 человек больше. Одни утверждают, что при таких обстоятельствах войну следует прекратить, т. к. при ее продолжении издержки станут больше, чем выгоды. Другие говорят, что если для спасения 1000 человек было оправдано пожертвовать 800 человек, то глупо не пожертвовать еще 500. Третьи замечают, что при таких обстоятельствах мы, конечно, должны минимизировать издержки, которые уже составляют 800 человек. Однако если для победного окончания войны не пожертвовать еще людскими ресурсами, то, в конечном счете, соотношение будет еще хуже: $1000 + 800 + x$, что в сумме больше, чем $800 + x$. Но противники второго и третьего вариантов возражают тем, что в таком случае война может продолжаться до бесконечности, поэтому более убедительным представляется первый вариант [6, с. 659-668].

Б. Орэнд дает свое толкование издержкам и выгодам. Основными выгодами он называет защиту международной справедливости, спасение конкретных людей от агрессии, наказание агрессора и предотвращение будущих агрессий. Основные издержки автор делит на явные и неявные. Явные – непосредственные военные расходы и потери, а также причинение вреда жизни и здоровью граждан, их имуществу и инфраструктуре. К неявным он относит отвлечение ресурсов из мирных областей деятельности, дополнительные затраты на обеспечение внутригосударственной справедливости, огрубление нравов и т. п. [7, с. 198-199]. Эти разъяснения Б. Орэнды позволяют заметить одно важное обстоятельство, а именно: выгоды от войны зависят не только от того, сколько людей, сколько материальных и нематериальных ценностей удалось непосредственно защитить и спасти, но и просто от того, удалось ли добиться поражения агрессора, в т.ч. в целях предотвращения новой агрессии.

Д. Мак-Махан в связи с этим полагает, что победа государства-агрессора в принципе не может иметь никаких позитивных результатов в силу невыполнения принципа соразмерности [5, с. 113]. Однако победа агрессора (если только он не ставит целью систематическое истребление или эксплуатацию населения завоеванного государства) может быть выгодна хотя бы тем, что положит конец войне, то есть многочисленным жертвам и разрушениям. Следовательно, обороняющееся от агрессора государство должно ясно представлять долгосрочные цели агрессора, до каких пределов нарушений прав человека дойдет реализация его захватнических планов. Поэтому отпор агрессии, вызывающей многочисленные нарушения прав человека, может быть оправдан вне зависимости от продолжительности и форм сопротивления. При этом в ряде случаев государство-агрессор теоретически может соблюсти принцип соразмерности и существенно улучшить состояние прав человека в побежденном государстве после завершения войны. Представить себе такую ситуацию на практике, конечно, сложно. В этом и нет необходимости в силу наличия принципа правового дела, который делает

бессмысленным соблюдение принципа соразмерности.

Один из примеров, разъясняющих принцип соразмерности, предоставляет Х. Сисе: «Имеются справедливые основания напасть на страну, где нарушаются права человека. В то же время, если мы видим, что разрушения будут слишком значительны, а страдания мирного населения слишком велики, то нападение становится неправомерным» [13, с. 26-32]. Автор призывает политических лидеров при оценке соразмерности учитывать, что война имеет множество долговременных, непредвиденных заранее последствий, поэтому всегда следует искать возможности ограничить масштаб и продолжительность военных действий.

Относительно принципа добрых намерений Фоушин замечает, что ввиду своей субъективности он является весьма спорным. Кратко этот принцип означает, что намерением и основанием вступающего в войну государства должно быть правое дело [12, с. 36]. Но эта формулировка не решает вопроса о том, допустимы ли какие-либо иные намерения. В научной литературе наиболее распространено толкование рассматриваемого принципа как намерение соблюсти принцип правого дела, которое должно доминировать над всеми иными намерениями [12, с. 98].

Одна из проблем, с которой сталкиваются сторонники рассматриваемого принципа, состоит в отсутствии эффективных способов выявления действительных намерений государства, чем сам принцип ставится под сомнение. Анализ законодательства разных стран показывает, что право иногда требует от субъектов определенных намерений, а иногда не требует этого. Последний вариант обычно обусловлен тем, что правовые механизмы бывают недостаточны для принуждения кого-либо изменить намерения, доказать неправомерность его фактических намерений и на этом основании привлечь к ответственности. Представляется, что принцип добрых намерений может быть установлен международным правом только в том случае, если будут четко выработаны критерии его оценки.

Но главная проблема этого принципа состоит в необходимости обоснования правомерности намерения. Сторонни-

ки его не приводят доказательств существования принципа добрых намерений, отдельно взятого среди других принципов *jus ad bellum*. Данный принцип нам в связи с этим представляется излишним. Если намерения определяются по поступкам, то не проще ли сразу оценивать поступки, а не намерения их совершить? Тем более что для этого уже существуют принципы правого дела, соразмерности и другие.

Для сравнения мы можем обратить внимание на важнейший принцип *jus in bello* – принцип различия. Этот принцип запрещает преднамеренное причинение вреда гражданским лицам, но не исключает непреднамеренное. Здесь мы наблюдаем типичный пример, когда намерения определяют саму сущность принципа, поэтому им придается правовое значение. Но необходимость придания добрым намерениям в целом правового значения не выдерживает критики.

Принцип добрых намерений защищают сторонники кантианской философии (например, Б. Орренд). Однако и у Канта добрые намерения важны для морали, но не для права. Нам представляется, что и в отсутствие добрых намерений война, в ряде случаев, может быть справедливой, хотя и не вполне морально обоснованной. Даже если принцип добрых намерений будет закреплён в международном праве, то в лучшем случае он сделает это право более морально обоснованным, но на теоретическую оценку справедливости начала войны не повлияет.

Легитимность власти – последний из рассматриваемых нами принципов *jus ad bellum*. Этот критерий в трактовке Фоушина отсылает к действующим внутригосударственным и международным правовым нормам. Однако тем самым теория справедливости лишается своего предмета, так как она призвана критически осмысливать действующее право, а не просто отсылать к нему. Поэтому, как нам представляется, Фоушин ошибочно смешивает легитимность и легальность. Это, в свою очередь, также ставит принцип легитимности под сомнение до тех пор, пока мы не придем к согласию, во-первых, относительно самого понятия легитимности и, во-вторых, относительно важности этого понятия для определения критериев справедливости развязывания войн.

Б. Орландо вместо названного принципа говорит о принципе «надлежащей власти, публичного заявления и защиты прав человека в ходе войны» [7, с. 49, 192]. Однако под надлежащей властью он понимает власть легальную. Кроме этого он обосновательно размывает сам принцип *jus ad bellum*, включая в него сразу три сомнительных критерия. Так, архаично выглядит критерий «публичного заявления»: в исторические периоды, когда войны не были столь молниеносными, объявление войны, вероятно, было правилом чести, но при современных средствах боевого применения оно может противоречить самому смыслу военной операции. Состояние войны, как нам представляется, необходимо устанавливать по фактическим действиям сторон, а не по наличию формальной декларации. Критерий «защиты прав человека», в сущности, дублирует принципы соразмерности и различия, и вступает в противоречие с самим смыслом состояния войны, предполагающего некоторое ограничение прав человека.

Лишь Х. Сисе обращает внимание на неоднозначность понимания критерия «законной власти», различая его процедурный и материальный аспекты. Материальный аспект состоит в том, кто (какой орган или должностное лицо) может считаться выразителем интересов всего народа (общего блага) и на этом основании уполномочен принимать окончательное решение о начале войны [13, с. 60-73]. Но Х. Сисе не дает ответа, кто это может быть. Важность критерия законной власти он обосновывает тем, что большинство современных войн являются гражданскими войнами между различными группировками, игнорирующими заботу об общем благе, поэтому сложно оценить легитимность и легальность каждой из них в отдельности. Но указанная проблема решается именно за счет критерия легитимности, а не легальности. Лидеры вооруженных группировок, не имеющие поддержки в народе, являются просто криминальными сообществами, подлежащими осуждению по внутригосударственным законам. Поэтому в данном случае правильнее говорить не о войне, а о криминальной преступности. В свою очередь лидеры народно-освободительных армий, выражающие определенную идеологию

и политическую позицию, обладают некоторой легитимностью, позволяющей говорить о существовании определенного политического сообщества.

Таким образом, ни принцип легальности, ни принцип легитимности не являются обоснованными принципами *jus ad bellum*, но принцип легитимности (наличия политического сообщества) выступает критерием, который позволяет вообще отличить теорию справедливой войны от теории справедливого наказания.

Сегодня принцип легитимности власти приобретает все более важное значение для теории справедливой войны потому, что участниками войны зачастую являются криминальные группировки, выдающие себя за представителей этнических меньшинств [11, с. 47, 133, 151]. В связи с этим возможно ли вмешательство во внутренние дела государства, которое не хочет или не может справиться с располагающимися на ее территории криминальными структурами, не обладающими надлежащей легитимностью и угрожающими другим государствам (например, террористы ИГИЛ)? Как отличить их от легитимных политических сообществ, реализующих свое право на самоопределение? Теория справедливой войны, формулируемая на примерах межгосударственных войн и нормах международного права, вполне может быть применена к любому конфликту между двумя и более политическими сообществами, даже если они не обладают государственным статусом [12, с. 43-44]. Наиболее сложно оценить легитимность одной из сторон конфликта, являющейся неполитическим сообществом.

М. Уолцер, например, рассматривает ситуацию, когда угроза причинения вреда государству исходит не от другого государства, а от находящихся на его территории внешних сил, например, международных террористов. Вооруженное вторжение одного государства на территорию другого в целях принуждения к миру и принятия мер по обеспечению гуманитарной безопасности М. Уолцер считает допустимым. К таким акциям автор предъявляет всего два требования: а) соразмерность и б) иммунитет гражданского населения [10, с. 217-218].

Однако М. Уолцер не разъясняет, с чем именно необходимо соразмерять иници-

ативу вторжения: с существующими масштабами гуманитарных катастроф, нарушений прав человека или чем-то иным. Если предположить подобные ситуации как случай самообороны (право на самооборону в подобных случаях подтверждено резолюциями 1368 (2001) и 1373 (2001) Совбеза ООН), то соразмерность должна быть соотносима с существующими угрозами. Но в этом случае военные и полицейские санкции должны быть применены не к самому государству, а к иным находящимся на его территории силам, причем только в ответ на вооруженное нападение с их стороны. Если же рассматривать подобные ситуации как наложение одним государством ответственности на другое государство за политические нарушения его руководства, то соразмерность должна быть уже по отношению к допущенным последним нарушениям. М. Уолцер безуспешно пытается обосновать допустимость в отдельных случаях вооруженных вторжений, которые запрещены международным правом. Однако в этом случае представляется сомнительным право одного государства в одностороннем порядке привлекать к ответственности другое государство, так как во избежание несправедливых решений необходимо обеспечить как легальности, так и беспристрастность принимаемых мер. Кроме этого до начала вторжения следует выяснить, какие собственные меры приняло государство для обеспечения своей безопасности. В этом проявляется соблюдение критерия необходимости.

Сам М. Уолцер в обоснование своих доводов приводит следующий исторический пример. В 1968 г. совершен израильский рейд на аэропорт Бейрута, в ходе которого не были соблюдены правила соразмерности в обоих указанных значениях. Не удивительно, что Совбез ООН резолюцией № 262 (1968) осудил действия Израиля, признал право Ливана на репарации, а впоследствии неоднократно подтверждал свою позицию в схожих ситуациях резолюциями № 573 (1985) и № 1234 (1999). Критерий «крайней необходимости» М. Уолцер по неизвестным причинам вообще не рассматривает. Как нам представляется, вторжение на территорию другого государства с целью вооруженной борьбы с находящимися на ней внешними силами

можно трактовать и в качестве реализации права на самооборону (если речь идет о защите собственных граждан), и в качестве иной меры по восстановлению справедливости (если речь идет о защите нарушенных прав граждан государства, в которое осуществляется вторжение). В любом случае должны быть соблюдены принципы крайнего средства (военной необходимости) и соразмерности, а военные действия не должны быть направлены против самого политического сообщества, на территории которого разворачивается операция.

Фоушин, в свою очередь, отмечает, что в отношении негосударственных групп следует отказаться от принципов легитимности власти и вероятности успеха, поскольку указанными группами эти принципы просто не могут быть соблюдены [15, с. 177]. В то же время принципы достаточных оснований, крайней необходимости, соразмерности и добрых намерений сохраняют свою силу (с поправкой на возникшие новые обстоятельства).

Слабым местом в этом тезисе Фоушина является тот факт, что действительность принципов зависит от возможности их выполнения. По нашему мнению, требуется более убедительное обоснование применения этих принципов. Если же такое обоснование отсутствует, то следует от них отказаться. Кроме этого отказ от принципов легитимности и вероятности успеха лишь в отношении негосударственных образований не вполне обоснованно «по особому случаю» (*ad hoc*) упрощает решение проблемы. Такой подход составляет некоторое исключение, его невозможно приспособить для решения других задач, так как он не вписывается в общую стратегию решений.

Подводя итог сказанному, отметим, что, из шести традиционных принципов *jus ad bellum* достаточно обоснованными, по нашему мнению, представляются лишь три, а именно принцип правого дела, принцип крайнего средства и принцип соразмерности. Все остальные принципы в той или иной степени не являются обязательными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кант И. Сочинения в 6 томах / И. Кант. – М. – 1963-1966. – 544 с.; Кант И. К вечному миру. – Электронный ресурс URL:

http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf.

2. Фридрих Ницше. Сочинения в 3-х томах, том 2: «Странник и его тень» – М.: изд. «REFL-book», 1994.

3. Радбрух Густав. Философия права. – Пер. с нем. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 240 с.

4. Кашников Б.Н. О греческих войнах, принципах международного гуманитарного права и парадигме О'Брайена // статья от 29.02.2016 (Электронный ресурс – <https://postnauka.ru/longreads/89794>).

5. McMahan J. Morality, Law, and the Relation Between Jus Ad Bellum and Jus in Bello. // Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law), vol. 100, 2006.

6. Moellendorf D. Two doctrines of jus ex bello. // Ethics, vol. 125, no. 3, 2015.

7. Orend B. War and international justice. A Kantian perspective. Waterloo (Ontario): Wilfrid Laurier University Press, 2000.

8. The responsibility to protect. Report of the International Commission on Inter-

vention and State Sovereignty. URL:http://www.globalr2p.org/media_files/iciss_report.pdf

9. Walzer M. Arguing about war. New Haven & London: Yale University Press, 2004.

10. Walzer M. Just and unjust wars. A moral argument with historical illustration. New York: Basic Books, 2006.

11. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. – М.: Издательство Института Гайдара, 2015.

12. Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / под общ. ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. – М.: Гардарики, 2002.

13. Сисе Х. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. – М.: Весь мир, 2007.

14. Уолцер М. Смена режима и справедливая война // Военно-юридический журнал. – 2013. – № 7.

15. Фоушин Н. Две теории справедливой войны // Этическая мысль. – 2016. – Т. 16. – № 2.

